МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VIII (XXII)
Международной научно-практической конференции
молодых учёных
(15–17 апреля 2021 г.)

Выпуск 22

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NATIONAL RESEARCH TOMSK STATE UNIVERSITY
Faculty of Philology

ACTUAL PROBLEMS OF LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

Proceedings of the VIII (XXII)
International Scientific and Practical Conference
of Young Scientists
(April 15–17, 2021)

Issue 22

Tomsk
TSU Press
2021

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-88

**ВЛИЯНИЕ ЖАНРОВЫХ МОДЕЛЕЙ НА СПЕЦИФИКУ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАРНАВАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ:
ДИАЛОГ ТВОРЧЕСКИХ СИСТЕМ Н. ГОГОЛЯ
И П. БРЕЙГЕЛЯ СТАРШЕГО**

Стасенко О.П.

Томский государственный университет, студент

**THE INFLUENCE OF GENRE STRUCTURES ON FUNCTIONING
OF CARNIVALESQUE AESTHETIC: N. GOGOL'S AND P. BRUEGEL
THE ELDER'S CREATIVE SYSTEMS DIALOGUE**

Stasenko O.P.

Tomsk State University, student

В статье предпринимается попытка выявить сходства в механизме взаимодействия жанровых субстратов и карнавальной эстетики в картинах П. Брейгеля Старшего и повестях Н. Гоголя «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, П. Брейгель старший, карнавал, жанровый субстрат.

The article attempts to identify similarities in the mechanism of interaction between genre structures and carnivalesque aesthetics in the paintings of P. Bruegel the Elder and the stories of N. Gogol «Old World Landowners» and «Taras Bulba».

Key words: N. Gogol, P. Bruegel the Elder, carnival, genre structures.

Научный руководитель: Е.О. Третьяков, канд. филол. наук, доцент ТГУ.

Проблема творческого диалога П. Брейгеля Старшего и Н.В. Гоголя была обоснована в работах ряда исследователей (например, Р. Писа [1]). О карнавальной эстетике в творчестве Гоголя говорили еще М.М. Бахтин [2] и Ю.В. Манн [3]. Однако в «Миргороде» вследствие смены тематики реализуются лишь элементы карнавальной образности. Тем не менее их наличие свидетельствует об эстетической преемственности между двумя гоголевскими сборниками.

В отсутствии собственно карнавальной перспективы закрепление гармоничного образа мира за планом прошлого провоцирует проблему поиска источников гармонизации, поэтому в фокус исследования попадают «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба» (в ред. 1835 года). В первой повести на художественный мир оказывает влияние жанровый субстрат идиллии, во второй – эпической поэмы. Оба жанра в силу специфики генезиса актуализируют связь с античностью. В «Старосветских помещиках» античные аллюзии очевидны: сравнение героев с Филемоном и Бавкидой, эпитет «буколический» и т.д. Вторую редакцию «Тараса Буль-

бы» сравнивают с «Илиадой» (см. [4]), но и сама ориентация на эпос актуализирует генетическую память жанра. Античность традиционно осмысливается как время гармонии духовного и телесного, что важно и для «Старосветских помещиков», где духовность выражается через образы еды, и для «Тараса Бульбы», где в образах казаков акцентируется телесность. Тело становится показателем полноценности жизни. Эстетически же изображение гармонии восходит к карнавалу: в образе Бульбы акцентируется избыточная телесность, в «Старосветских помещиках» изобилие земли рисуется в гиперболических образах в духе карнавального гротеска. Наложение призм ведет к трансформации специфики карнавальной образности: так, в жанр идиллии заложена установка на ограниченность гармонии, связь карнавальной эстетики с индивидуальным, ценностно наполненным бытием провоцирует хрупкость гармонии, существующей лишь для двоих стариков, живущих как бы в своем мире.

Эстетическим эквивалентом «Старосветских помещиков» у Брейгеля становится «Страна лентяев», где все изображается очень тяжеловесно, а изобилие имеет фантастический характер и масштаб. Но если у Гоголя жизнь героев рисуется в карнавальной образности и не имеет сатирического оттенка, то в «Стране лентяев» он вносится второстепенными фигурами – голодным рыцарем и человеком, проевшим дыру в берегу. И хотя у Гоголя некоторые персонажи тоже изображаются сатирически, дистанция между героями здесь огромна: войт, приказчик, новый хозяин разоряют землю, а главные герои творят идиллию. У Брейгеля персонажи не противопоставляются, реализуя себя в едином пространстве, нет оснований для аксиологического различия их активности (центральные герои и вовсе лишены ее). И здесь раскрывается механизм выражения авторской позиции, базирующийся на работе с жанровыми моделями. Использование сказочного сюжета о стране Кокани определяет реализацию идиллического модуса на переднем плане картины. Детали, отражающие авторское отношение, спрятаны. Противоречие между объектным и субъектным планами реализуется в соотношении идиллического и сатирического модусов, жанровой модели сказки и карнавальной образности: авторское отношение формируется в точке их взаимной коррекции.

В «Тарасе Бульбе» гармонизация прошлого происходит за счет эпического субстрата: его видимое тождество с карнавалом в отношении к диалектике личностного и коллективного доказывается закреплением карнавальной эстетики за образами казаков и планом прошлого. Однако в действительности это соотношение оказывается сложнее: так, в образе

Бульбы явны индивидуалистические тенденции, например, когда он разоряет польские земли с целью устроить «поминки по Остапе» [5. С. 352]. Показательно и двойственное отношение к смерти: с одной стороны, она возводится в культ, а с другой – воспринимается вне контекста народной целостности, как трагическое событие. Это определяется использованием эпического субстрата: человек оказывается, с одной стороны, выразителем коллектива, а с другой – личностью героической, исключительной. В обеих повестях гармонический карнавальный код вступает в противоречие с жанровыми субстратами, так как гармонизация достигается через изменение положения человека: в идиллии она зависит от духовной наполненности индивидуальной жизни (гармонизация локальна, равновесие хрупко); в эпосе человек возвышается до уровня мира, становясь героической личностью, однако отделяется от коллективной целостности. Имея исходной точкой карнавал с его неличностным пониманием гармонии, гоголевский текст раскрывает недостаточность обоих вариантов гармонизации.

В большинстве работ Брейгеля карнавал не может обеспечить гармонию, воспринимаясь как маска мира. Однако есть и сюжеты, реализующие гармонию личности и природы: в «Месяцах» «деструктивная» половина уравнивается «созидательной». Гармонические сюжеты создаются с использованием разных эстетических стратегий: если в «Сенокосе» образность близка идиллической, то в «Жатве» явлены элементы карнавальной эстетики, а в «Лете» она доминирует. «Жатва» изображает этап природного цикла, когда рождение и смерть сближаются. Карнавал проявляет себя здесь в образах трапезы и сидения на снопах, в фигуре отдыхающего крестьянина, акцентирующей телесность, эротизм, лень, связь с землей. На гравюре «Лето», изображающей сходный сюжет, персонажи занимают уже большую часть пространства, центральный герой активно поглощает содержимое кувшина, и в его образе еще сильнее акцентируется телесность. Здесь карнавальная эстетика становится маркером гармоничного состояния мира, однако, имея в виду контекст творчества Брейгеля, очевидно, что не она провоцирует эту гармонию. И если для Гоголя отправной точкой был человек, то Брейгель ищет источник гармонии в природе с ее циклическим равновесием. Такой путь так же подразумевает временность гармонии; от человека не зависят его отношения с бытием.

Таким образом, в ситуации распада карнавальной целостности проблема функционирования карнавальной эстетики решается у обоих авто-

ров через коррекцию иными эстетическими призмами (авторская позиция определяется на пересечении). В отношении же поиска источников гармонизации Гоголь и Брейгель придерживаются противоположных стратегий: если у первого она осуществляется через изменение положения человека, то второй идет со стороны мира, предлагая равновесную циклическую модель. У обоих гармония оказывается временной, а потому карнавальная эстетика в ее положительном значении редуцируется, при этом начиная исполнять роль маркера гармоничного состояния бытия.

Литература

1. Peace Richard. The Enigma of Gogol. Cambridge University Press, 2009. 356 с.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М. : Худож. лит., 1990. 543 с.
3. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1988. 413 с.
4. Виноградов. О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959. 656 с.
5. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений : в 14 т. М. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. 763 с.

DOI: 10.17223/978-5-907442-02-3-2021-89

ИТАЛЬЯНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «РИМ»

Резцова Л. Э.

Новосибирский государственный университет, студент

ITALIAN NATIONAL CHARACTER IN THE N. V. GOGOL'S STORY «ROME»

Rezцова L.E.

Novosibirsk State University, student

Повесть Н. В. Гоголя «Рим» (1842), насыщенная символикой гармонии искусства и «живой жизни», содержит художественную концепцию национального характера. Цель исследования заключается в выявлении типологии национального характера в повести и системы символов, транслирующих суть итальянского характера. Также изучается культурно-бытовая репрезентация итальянского характера.

Ключевые слова: символика, типология, характер, культурно-бытовая репрезентация.

N.V. Gogol's story «Rome» (1842), rich with the symbolism of harmony and «living life», contains an artistic concept of national character. The purpose of the article is to